

И. А. Куклинова

Научная революция и мир коллекций XVII в.

Мир коллекций XVII в. очень причудлив и разнообразен и привлек внимание исследователей еще во второй половине XIX в. Однако в последние десятилетия интерес к ним существенно усилился, что и является предметом осмысления в данной статье. Многие из этих коллекций являлись комплексными с преобладанием естественнонаучных материалов и инструментов. Некоторые исследователи полагают, что у этих собраний значительно больше черт, роднящих их с предшественниками из XVI в. Это разнородность состава, ориентация на все исключительное и необычное, занятия самих коллекционеров, зачастую далекие от нынешних представлений о научной деятельности. В то же время в современных работах все чаще утверждается новаторство собраний XVII в. Акцент делается на приращении знаний, которое происходит в результате изучения предметов, и стремлении к их классификации. Упорядочение коллекций приводит к появлению их каталогов. Именно каталоги становятся формой презентации коллекций, а также служат осмыслению феномена универсального собрания. В наше время стремление к отбору и систематизации артефактов дает право исследователям называть деятельность коллекционеров XVII в. кураторской.

Ключевые слова: научная революция, коллекция, куратор, натуралии, каталог коллекции, естествоиспытатель

Irina A. Kuklinova

The scientific revolution and the world of collections of the XVII century

The world of 17th century collections is quite extravagant and diverse and has attracted the attention of researchers as far back as in the second half of the 19th century. However, during the past few decades, interest in these collections has grown considerably, and this article seeks to explore this phenomenon. Many of these collections were quite comprehensive, with natural science materials and tools making up most of them. Some researchers believe that these collections have considerably more common features with their predecessors from the 16th century, such as their diversity, a focus on exclusive and unusual pieces, and the activities of the collectors themselves, which were often far from what would be considered scientific research today. At the same time, the innovative nature of 17th century collections are increasingly confirmed in modern works. The focus is on expanding the wealth of knowledge gained by studying artefacts and attempting to classify them. When the collections are in order, they can be catalogued. Catalogs are a way of presenting collections and serve as a way of conceptualizing the phenomenon of universal collections. Today, given their efforts to collect and systematize artefacts, researchers are right to describe the activities of 17th century collectors as 'curatorial'.

Keywords: scientific revolution, collection, curator, naturals, collection's catalog, naturalist

DOI 10.30725/2619-0303-2020-2-33-37

Семнадцатый век прочно вошел в историю музейного дела как золотая эпоха коллекционирования. Таковым его признавали еще первые исследователи во второй половине XIX в. Традиционно это время рассматривается как некий переход от одной великой эпохи к другой – от Возрождения к Просвещению, от создания коллекций, воспроизводящих Вселенную в миниатюре, к специализированным собраниям, от первых шагов в познании мира к подлинно научным теориям XVIII в.: «Если в позднем Ренессансе ментальный универсум полон магии, алхимии, астрологии, нумерологии, даже демонологии, то в XVIII в. это обширное поле ученой культуры совсем недавнего прошлого рассматривается презрительно, как спекуляции психически неуравновешенных или суеверия сторонников мракобесия» [1, р. 6].

Очевидно, что в XVII в. новые способы познания мира набирают силу и приносят первые плоды, и этот процесс теснейшим образом связан с интересующим нас феноменом – коллекционированием. В наше время, когда постмодернистское восприятие мира требует настойчивого поиска в прошлом предтеч, предшественников современных практик, этот период вновь вызывает большой интерес. Материал, изучаемый на протяжении более полутора столетий, вновь востребован как на уровне актуальных исследований, так и культурных практик. В романе У. Эко «Остров накануне» (1995) есть упоминание о знакомстве главного героя с дворянином из Экс-ан-Прованса, сведущим «в науках, с богатой библиотекой, содержащей кроме книг произведения искусства,

антики и чучела» [2, с. 149], прототипом которого, скорее всего, был знаменитый французский ученый-полимаст Н.-К. Фабри де Пейреск (1580–1637). В 2001 г. в палаццо Венеция в Риме проходила временная выставка «Музей мира. Машины, эзотеризм, искусство», воспроизводившая Кирхерианум – кабинет, созданный при Римской коллегии в 1651 г. немецким иезуитом А. Кирхером (1602–1680). В статье в газете «Repubblica» («Республика»), приуроченной к открытию выставки, У. Эко свидетельствовал, что если в начале 1980-х гг. любой трактат Кирхера можно было приобрести за 800 000 лир, то в первые годы XXI в. цены уже достигали 20 000 000 за значительный по объему и иллюстрированный, и нескольких миллионов – за небольшой труд этого мыслителя [3]. С 2011 г. в Музее геологии, являющемся частью Музея естественной истории Дании (Копенгаген), представлена реконструкция коллекции другого естествоиспытателя XVII в. – Оле Ворма (1588–1655). Современная художница и фотограф Р. Перселл под впечатлением от гравюры, представлявшей это собрание, работала над его реконструкцией на протяжении многих лет. Первый раз воссозданная коллекция была представлена в Музее искусств в Санта Монике, а с начала 2010-х гг. она получила постоянную прописку на родине оригинала – в Копенгагене. Примечательно, что современная инсталляция содержит около 40 подлинных предметов, принадлежавших Ворму, в том числе столь впечатливший некогда Р. Перселл корень дерева, вросший в челюсть лошади [4].

В данной статье обратимся к характерным особенностям коллекций ученых-естествоиспытателей XVII в., рассмотрев их на нескольких примерах, в первую очередь тех из них, чьи имена востребованы у современных исследователей. Постараемся разобраться, что делает их деятельность, научную и коллекционерскую, столь интересной в настоящее время. Это француз Пьер Борель (1620–1671) – врач, ботаник, оптик, химик, знаток древностей; датский медик, естествоиспытатель, эксперт в изучении скандинавских рун Оле Ворм (1588–1655) и немецкий ученый иезуит Атанасиус Кирхер, оставивший трактаты по естествознанию, физике, математике, теологии, лингвистике.

С XVII в. связывается начало научной революции в Европе, на глазах нескольких поколений ученых происходит настоящая революция в формах и методах организации исследовательской деятельности. Именно в эту эпоху появляются многочисленные академии и научные общества, члены ученого сообщества не просто больше контактируют между собой, они нуждаются в таком профессиональном обще-

нии: «В середине XVII века эрудит не может быть изолирован, как это будет в XIX веке: ему нужны книги, и все невозможно купить или прочитать в публичной библиотеке, ему нужны рукописи, которые он может получить только благодаря знакомству с эрудитами. Работа эрудита – это коллективная работа» [5, р. 312–313], в том числе и потому, что приборы, которые необходимы для опытного познания мира, стоят дорого и существуют порой в единичных экземплярах [6, с. 76]. Изобретение большого количества новых инструментов, помогающих изучать мир, – еще одна примета новой эпохи. Это термометры, барометры, телескопы, микроскопы. Это не значит, что новый инструментарий сразу признается всем ученым миром. Известно, что до середины XVII в. тот же микроскоп зачастую воспринимался лишь как курьез. Одним из первых исключений было заседание римской Академии рысьеглазых (деи Линчеи) в 1624 г., на котором Галилей призвал своих коллег рассмотреть посредством этого прибора крошечные предметы, а уже в следующем, 1625 г., генеральный прокуратор Академии Стеллутти и ее основатель князь Ф. Чези опубликовали книгу о пчелах, основанную на наблюдениях через микроскоп [1, р. 12].

Состав коллекций эпохи научной революции обычно очень пестрый, во многом восходящий к их предшественникам XVI в. Чаще всего природные образцы – *naturalia* – соседствовали с созданием рук человеческих – *artificialia*. КATALOGИ собраний П. Бореля и О. Ворма делят все предметы на 4 группы: три относятся к миру натуралиев, это растения, животные, минералы, четвертая – к людским творениям. Как гласила надпись при входе в собрание П. Бореля, «остановись, любопытный, поскольку ты здесь увидишь целый мир в музее, то есть микрокосм или конспект самых редких вещей» [5, р. 312]. Этот микрокосм Вселенной включал в себя мир природы (в том числе кости гиганта, монстра с двумя головами, часть рога единорога, камни-безоары), коллекцию древностей, музыкальные инструменты, портреты, медали, библиотеку в 500 томов, физические инструменты: увеличивающие очки, с помощью которых он вел астрономические наблюдения, «очки для блох или микроскоп, который сильно увеличивает предметы» [7, р. 63]. Притом, как отмечают исследователи, ориентация на редкое, уникальное, находит отражение и в коллекции живописи – это прежде всего, портреты великих людей, позволяющие «иметь историю перед глазами» [7, р. 64]. Собрание Кирхерианума также отличалось значительной пестротой. Здесь были многочисленные натуралии, в том числе

окаменелости, челюсть кашалота, крокодил, карты, античные предметы, музыкальные инструменты, изобретения самого Кирхера, этнографические диковинки, привезенные с других континентов. Коллекция Оле Ворма включала в свой состав большое количество образцов природы: минералы, редкие металлы, столь популярные в то время олени рога, черепаши панцири, рог единорога, белого медведя, растения, а также легендарный агнец скифский – пушистый папоротник из Азии, который, как считалось, плодоносил овцами [8, с. 316]. В то же время собрание датского естествоиспытателя имело этнографические материалы, образцы нумизматики, заводные механизмы и автоматы (например, имела механическая утка), произведения искусства. Как явствует из состава этих коллекций, своим происхождением они обязаны многочисленным путешествиям самих создателей и их ученых друзей. О. Ворм учился и путешествовал в Германии, Швейцарии, Англии, в дальнейшем предметы в собрание поступали за счет научных контактов владельца с европейскими учеными. Кирхерианум пополнялся за счет даров, предметов, найденных или созданных самим А. Кирхером, а также благодаря миссионерским поездкам братьев по ордену иезуитов от Китая до Нового Света. Собственно исследовательская деятельность ученых сопровождалась попытками систематизировать все разнообразие предметов коллекций, что приводило к составлению каталогов. На материалах своего кабинета Оле Ворма опубликовал их в 1642, 1645 и 1655 гг. (последний вышел уже после смерти исследователя) [9, с. 37]. П. Борель издал первый из каталогов в 1645г., переиздал в 1649 г. [5, р. 312]. Первый каталог Кирхерианума был составлен Дж. Де Сепи и издан в 1678 г.

С одной стороны, эти каталоги, подробно описывая состав собраний, свидетельствуют об их «переходном» характере, во многом обращенном еще в предшествующий век. Осмысляя этот период, некоторые исследователи однозначно утверждали, что «коллекционеры, подобные Кирхеру, по-прежнему понимали свою деятельность как завершение работ Аристотеля и его последователей» [10, с. 162], имея в виду, что авторитет античных естествоиспытателей для них был выше знаний, полученных опытным путем. Сторонники этой точки зрения напоминают, что столь знаменитый мыслитель того времени, как Кеплер, вынужден был отдавать дань составлению гороскопов, которые пользовались большим успехом [10, с. 163]. Многие новые идеи, с которыми связывается научная революция, не сразу стали общепризнанными: Декарт

вынужден был жить в изгнании в Голландии, открытие кровообращения У. Гарвея встречено шквалом критики, осужденный Галилей принужден был молчать [1, р. 6], а деятельность Академии рысьеглазых, членом которой он был, вскоре после смерти ее создателя Ф. Чези и суда над Галилеем, сошла на нет. Характеризуя принципы организации коллекций XVII в., авторы трудов по истории музейного дела отмечали, что интерес ученых того времени «к оптическим приборам, к множественности миров и жизни Декарта существует... с поиском книг по герметической философии и редких вещей», важнейшей для них становится «игра аналогий, соответствий и одновременностей» [7, р. 63]. Эти слова, которыми известный исследователь Кр. Помян характеризовал собрание П. Бореля, в равной степени могут быть отнесены и к коллекциям О. Ворма и А. Кирхера.

С другой стороны, в последнее время все чаще исследователи акцентируют внимание на том новом, что характеризует собирательскую деятельность в XVII в. Очень важным для современных авторов является направленность коллекций XVII в. на получение, осмысление и систематизацию знания. Так, куратор Х. У. Обрист утверждает, что само создание коллекций в то время «можно назвать способом производства знания» [11, с. 41]. Показательно, что глава, посвященная им домусейному периоду и создателям первых собраний, называется «Коллекционные знания». «Такой разнородный, беспорядочный архив – типичная кунсткамера – включает в себя предметы искусства наряду с бытовыми, художественное наряду с естественным и все, что только может представлять интерес для анализа», – пишет Обрист в своем труде «Пути кураторства» [11, с. 44], рассматривая сопоставление артефактов путем к познанию и проверке знаний о мире. У. Эко в уже цитированной статье, характеризую деятельность своего героя, А. Кирхера, отмечал, что тот «говорит обо всем, даже по слухам, но хочет дать всему доказательство, изображение, схему, закон действия, причины и следствия», хотя, очевидно, бесконечная широта интересов ярко характеризует его как деятеля эпохи барокко [3]. И именно в этой причудливости пристрастий Эко видит популярность создателя Кирхерианума у сюрреалистов.

Сфера занятий и интересов А. Кирхера, П. Бореля и О. Ворма кажется не имеющей пределов. Вот лишь некоторые из их ученых достижений. А. Кирхер изучал геологию, математику, оптику, акустику. В его собрании были широко представлены изготовленные им самим акустические приборы, особая переговорная труба по-

звояла ему, находясь в спальне, слышать разговоры гостей, пришедших знакомиться с его коллекцией. Делая чертежи, он рассчитал, что Вавилонская башня не могла достать до Луны, изучал вулканическую активность в кратере Везувия.

П. Борель с 1648 г. посещал заседания созданной в его родном Кастре Академии, одно из первых заседаний было посвящено обсуждению процесса возникновения комет. В 1649–1650 гг. Борель посещал Э. Брессье, химика из Гренобля, которого под именем Вилльбрессье упоминал в переписке Р. Декарт. Благодаря этим ученым беседам Борель смог написать в 1653 г. первую биографию Декарта. С 1654 г. он служил врачом короля Людовика XIV. А в 1655 г. в труде, посвященном телескопу, он первым из французских провозгласил значимость оптических аппаратов для исследователя: «Я не собираюсь заниматься телескопом, благодаря которому мы видим пятна на Солнце, Луне... Сейчас я хочу посвятить себя микроскопу, благодаря которому становятся почти видны атомы, а самые маленькие насекомые превращаются в Колоссов. Посредством микроскопа день ото дня открываются двери новой физики» [1, р. 14].

О. Ворм изучал анатомию. Маленькие кости черепа, которые он описал первым, в его честь названы вормиевыми. Также он собирал и сохранял рунические скандинавские тексты. Он изучил длинный рог, который, как считалось, принадлежал единорогу. Дав своим домашним питомцам яд, он пытался использовать толченый рог как противоядие. Поскольку предполагалось магические свойства не действовали, ученый доказал, что это рог вполне земного животного – нарвала. Обосновавшись в Копенгагене, Ворм поступил на службу врачом к королю Кристиану IV.

Каталоги собраний ученых изучаемой нами эпохи привлекают внимание и тех современных исследователей, которые изучают исторические корни музеологии. Характеризуя донучную стадию ее развития, одной из характерных черт XVII в. они полагают широкое распространение «такой формы презентации коллекций, как каталоги» [9, с. 35]. Последние являлись средством популяризации собрания и, как и в XVI в., повышения социального статуса владельца. Каталоги содержали подробную информацию о предметах коллекции, включая не только их описание, но и историю происхождения. Порядок перечисления предметов в каталогах мог соотноситься с их размещением в пространстве коллекции и тем более являлся результатом исследовательской деятельности их владельцев по систематизации. Неслучайно

У. Эко располагал фигуру Кирхера на полпути от ученого, который всегда помнит о точности, за границы которой он пытается выйти, к мастеру научной фантастики, который в своих предположениях помнит о возможностях эксперимента. А Х. У. Обрист обратил наше внимание на частое использование в каталогах слова «музей» применительно к самим собраниям, ведь данный термин в ту эпоху использовался «по отношению к любому месту или объекту (классу, библиотеке, саду, энциклопедии), в котором собраны данные для исследования» [11, с. 44].

Исследование и сопутствующие ему отбор образцов с целью их дальнейшей систематизации и каталогизации дало право М. Баскару в книге, казалось бы, с далеким от исторической музеологии названием «Принцип кураторства. Роль выбора в эпоху переизбытка» в 2016 г. назвать датского естествоиспытателя О. Ворма одним из первых кураторов в истории. Как пишет автор, именно каталог этого собрания, вышедший в 1655 г. под названием *Museum Wormianum*, позволяющий составить подробное представление о коллекции, может быть свидетельством развития нового в недрах старого мира накопительства и мистики. Каталогизация объектов и явлений есть свидетельство движения по пути научного понимания мира. Вот почему для исследователя современных культурных процессов стало возможным назвать деятельность по созданию кунсткамеры кураторской (соединив в одном высказывании термин, родившийся в XVI в., с одним из самых часто употребляющихся в наше время), связав собирательскую практику XVII с современностью [8, с. 317].

Подведем итоги. В XVII в. в Европе продолжает развиваться традиция универсального коллекционирования. В одном собрании прихотливо соединяются натуралии – образцы природы – и артефакты, созданные рукой человека. Очень часто создателями таких коллекций становятся ученые, связанные с миром естественнонаучного знания. Показательными для данного исследования представляются имена О. Ворма, П. Бореля и А. Кирхера. Обладая очень широким кругом научных интересов, эти ученые сформировали комплексные собрания, причудливо объединявшие мир настоящей и легендарной природы, этнографические материалы, научные инструменты, произведения искусства и памятники нумизматики. Мир естественнонаучного коллекционирования XVII в. востребован в наше время в выставочной практике и является плодотворной почвой для расширения исследовательского поля мира культуры прошлого и современности.

Список литературы

References

1. Foucault D. Pierre Borel: medecin et savant castrais du XVIIe s. // Cahiers d'histoire du Centre d'étude d'histoire de la médecine. Toulouse, 1999. № 7. 83 p.
2. Эко У. Остров накануне / пер. с итал. Е. А. Костюкович. СПб.: «Симпозиум», 2003. 477 с.
3. Eco U. Kircher // *la Repubblica*. 2001. 24 febr. URL: <https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2001/02/24/kircher.html> (дата обращения: 28.03.2020).
4. Meier A. Ole Worm returns: an iconic 17th century Curiosity cabinet is obsessively recreated // *Atlas Obscura*. 2013. Apr. 30. URL: <https://www.atlasobscura.com/articles/ole-worm-cabinet> (дата обращения: 20.03.2020).
5. Chabbert P. Pierre Borel // *Revue de l'histoire des sciences*. 1968. № 1/4. P. 303–343.
6. Мухин А. С. Семиотика машины в дворцово-парковых комплексах // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2018. № 4 (37). С. 73–81.
7. Pomian K. *Collectionneurs, amateurs et curieux*. Paris, Venise: XVIe – XVIIIe s. Paris: Gallimard, 1987. 367 p.
8. Баскар М. Принцип кураторства. Роль выбора в эпоху переизбытка. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 360 с.
9. Ананьев в. г. История зарубежной музеологии: идеи, люди, институты. М.: Памятники ист. мысли, 2018. 392 с.
10. Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. М.: «Русское слово – РС», 2003. 536 с.
11. Обрист Х. У. Пути кураторства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 160 с.
1. Foucault D. Pierre Borel: medecin et savant castrais du XVIIe s. Cahiers d'histoire du Centre d'étude d'histoire de la médecine. Toulouse, 1999. 7, 83.
2. Eco U.; Kostyukovich E. A. (transl.). *Island on the eve*. Sankt-Petersburg: «Simposium», 2003. 477 (in Russ.)
3. Eco U. Kircher. *la Repubblica*. 2001. 24 febr. URL: <https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2001/02/24/kircher.html> (accessed: Mar.28.2020).
4. Meier A. Ole Worm returns: an iconic 17th century Curiosity cabinet is obsessively recreated. *Atlas Obscura*. 2013. Apr. 30. URL: <https://www.atlasobscura.com/articles/ole-worm-cabinet> (accessed: Mar.20.2020).
5. Chabbert P. Pierre Borel. *Revue de l'histoire des sciences*. 1968. 1/4, 303–343.
6. Mukhin A. S. Semiotics of machine in palace and park complexes. *Bulleten of Saint Petersburg State University of Culture*. 2018. 4 (37), 73–81 (in Russ.).
7. Pomian K. *Collectionneurs, amateurs et curieux*. Paris, Venise: XVIe – XVIIIe s. Paris: Gallimard, 1987. 367.
8. Baskar M. The principle of supervision. The role of choice in the era of overabundance. М.: Ad Marginem Press, 2016. 360 (in Russ.).
9. Ananyev V. G. *History of foreign museology: ideas, people, institutions*. М.: Monuments of historical thought, 2018. 392 (in Russ.).
10. Yureneva T. Yu. *Museum in world culture*. М.: «Russkoe slovo – RS», 2003. 536 (in Russ.).
11. Obrist H. U. *Ways of curating*. М.: Ad Marginem Press, 2016. 160 (in Russ.).